

МЕРАЙЛИ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

Стихи

© Мерайли, 1972–2012

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

* * *

Я потерял друзей, я потерял врагов,
Я потерял себя — но я обрел любовь.
Отдал все, что имел, сжег за собой мосты.
Вселенная мертва — осталась только ты.
Прошу тебя: живи! Ты — свет, ты — красота.
Останься, задержись, замри, не улетай!
Ведь, если нет тебя — нет ни судеб, ни тел.
И даже пустоты не станет в пустоте.

~ 1985 ...

* * *

Без ботинок, без пальто —
страшный неизвестно кто;
без носков, без пиджака —
нет страшнее хищника;
он коварней и хитрей,
он опасней всех зверей,
он гуляет по ночам,
спать мешает малышам, —
совершенно незаметен,
многорук и многоног —
и никто еще на свете
одолеть его не смог.

Но волшебник по соседству
от злодея знает средство,
и однажды перед сном
рассказал он мне о нем,
по секрету, шепотом:
это — неизвестно что!

* * *

Кукольные длинные ресницы,
визажиста подлая рука...
Если это пугало приснится —
вечный сон тогда наверняка.

Вот они, глядят, как манекены,
принимают позы неглиже...
Прейскурант на всех один — и цены
наизусть заучены уже.

Пусть на роже краски — толще кожи,
и зашито сердце в силикон,
главное — отдаться подороже.
В этом мире сыр — не для ворон.

Нет ни сантиментов, ни запретов:
ублажи любое дерьмецо,
принимай от хряка и скелета —
в поисках богатеньких самцов.

Кто схватил — держи, чтобы не сбежал он...
Липнут к золотому кошельку
сонмы интерьерных содержанок
и эскортно-эсклюзивных шлюх.

Ну, туда им и дорога. Эти
хитромудрые обречены
быть банальнее всего на свете
и страшнее атомной войны.

Но кому-то же небезразлично,
чтобы можно было гнезда вить —
неказистым, или симпатичным, —
по уму, по правде, по любви,

без улыбок, приторно счастливых,
без потуг назойливо блистать...
Люди — по природе некрасивы,
в них важней другая красота.

Нет ее — каким угодно телом
не заменишь, как ни фотошопь, —
никаким притворщицам умелым
не сыграть и доли небольшой.

Красота приходит, как свобода —
целиком, внезапно. навсегда,
мощно, беспреградно, полноводно,
чтобы все вобрать, и все отдать,

чтобы согреть — не обжигая,
не польстить — но и не обмануть...
Может, их, таких, и не бывает —
только я такую знал
одну.

~ 1985 ...

* * *

Когда-нибудь свершится,
когда-то произойдет...
Солнечностью пушистой,
танцующим дождем,
музыкой, стихами,
шелестом звездных струй,
розой благоуханной,
росами поутру;
снежная власть холода
влажной данью весне...

Откуда оно приходит —
чего нигде нет?
Празднично ли, буднично,
тенью надежд покинутых...
Но обязательно сбудется —
во имя, и вопреки.

Жизнь провести в скитаниях,
тварью прослыть никчемной...
И все равно — мечтаю.
И знать не хочу — о чем.

~ 2006?

* * *

Я Вас не встретил. Что могло бы стать,
отжить, и бессердечно возродиться,
все — не для нас. И не зазолотится
безвременно холодная мечта.

Как сон без снов, потерянные взгляды,
мгновенностью разлук обделены,
ни в ком, ни в чем, без боли, без отрады, —
оглохли от внезапной тишины.

Бесплотность памяти, бессмертие — удел
не призванных не повторить ни слова, —
кто без огня — уже разочарован,
не падших душ и не любивших тел.

* * *

где вольный дух безволен
когда часы стоят
бывает боль без боли
утрата без утрат
и сон без сна и совесть
невинная игра
в горбатую бездонность
животворящих ран
из нервного покоя
гостиничный уют
знобящей теплотою
незыблемости льют
и надо бы ненужность
неповторимых рек
с изяществом натужным
тащить из века в век
будто на смерть поэта
под спицрутен строки
когда-нибудь и где-то
во имя вопреки
потасканная тайна
возвышенная блядь
себя таки заставит
радушно обещать
все то же и все тем же
от скаредных щедрот
что будет неизбежно
но не произойдет

2012?

* * *

Девушка без имени.
Песенка без слов.
Просто полюби меня —
тихо и тепло.

Озорной подснежницы
сроки коротки —
отзвенят, отнежатся
вешние деньки:
трепетом нерозданным,
пухом травяным,
ласковыми грозами
дождиком цветным...

Милая, далекая,
дивная моя...
Грусть твою за строками
не узнаю я.

По неосторожности
зашумит крыло —
и неожиданно сможет
вспомнить о былом:
сказкою старинною,
ягодкой с куста...
Про любовь без имени
песенка проста.

2011

Любовь 2.0

Издохну, чтобы Вас видеть в гробу.
И будет нам нехорошо на пару.
Или — мы вместе вылетим в трубу,
дабы не ждать под задницами жару...

Или станцуем по своим костям —
голгофу на канкан махнем не глядя;
и пусть в глазницах кольцами блестят
черви — не кайфу для, а понту ради.

Мы можем все, нам по хую миры,
пришпиленные к адовым светилам!
Мы вознесемся, грязью из дыры,
в вонючий рай — назло пегасам хилым, —

и рухнем с неба, падалью гнилой,
в огонь — и все пошлем к какой-то маме...
И будет — сердце к сердцу, к плоти плоть.
И — никого. Ни в нас — ни между нами.

2081

Откуда-то вдруг яблоко в руках.
Наверное, нашел.

А впрочем,
что за дело!

Красиво, сочно... Пусть хоть с потолка —
на то оно и здесь,
чтобы съел его.

И я сломал красивой формы бред.
Что было дальше — смутно вспоминаю.
В глазах померкло,
света больше нет,

а изнутри
лилась
живая

черная струя.
Червей до черта.
Напрасно билось стадо бытия,
пытаясь удержаться хоть на чем-то.
Все

утонуло
в жадной черноте.

И каждый — червь,
и я среди других...

Где руки, ноги?
Страшно: голос стих,
и только шелест кучи черных тел.

И мне предстало будущее вдруг.
Огромный мир
стал наводнен
червями:
червь делает станки и тянет плуг;
червь строит небоскреб, сдает экзамен;
учитель — червь, червенок ест букварь,

червь — академик, червь торгует пивом;
правительство насквозь червиво,
червь — Генеральный секретарь...

От ужаса

 мозги

 поднялись дыбом.

Чем жить в подобном мире,

мы бы

уж лучше 246-6-6-1-4!

И к телефону тянется рука...

Тут я проснулся.

Хватит ночи!

Но долго еще

 била мысль

 в висках:

была, ведь,

 где-то

 червоточина?

22 июня 1976

* * *

Кто-то умер до нас.
Кто-то потом умрет.
Всем — назначенный час.
Каждому — свой черед.

Даже те, кто на стал,
не захотел и не смог,
после долгих мытарств
множат общий итог.

Розой в каплях дождя,
иссушенным быльем —
тени небытия,
в небытие уйдем.

Без богов, без следа...
Только любовь — навсегда.

~ 2003?

* * *

Задолго до любви — я полюбил.
 Шлак недоисторической эпохи,
 недомерцание недосветил...
 Дела не просто плохи —
 их нет. И лишь предчувствием шестым,
 обыденнейшим из безумий, —
 необещание красоты, и ты...
 И я. Не сделаю — но обязуюсь.
 Чужие судьбы, ложный след.
 Напрасно. В нас, а не между нами —
 чем слыть нам на не этой земле,
 под неземными небесами.
 Да будет так. Или не будет.
 Что слаще и больней? — любя,
 забыться, умереть... Почти как люди.
 И стать собой.
 Задолго до себя.

1984

Марте

Глупо мечтать, что Вы — моя награда.
А я — для Вас.
Покатится слезинка взгляда
из падших глаз...

Разве же для этого — эти сини?
Под ноги ли?
Дивный, и божественно невинный, —
в подлой пыли.

А, ведь, он... Ему подняться где бы... —
Ну, хоть во сне!
Вы не хотите одарить им небо?
Отдайте мне.

весна 1985

* * *

О женские цветы! Какое наслаждение
Срывать с пугливых тайн стыдливости покров —
И ощущать в груди безумное томление,
И чувствовать хмельную кровь

Упругими точками распаленной плоти,
И каждый бугорок под пальцами звенит,
И в бездну влажный путь сладко бесповоротен,
И мы уже одно, одни...

А после — ничего. Святая пустота и
Усталое тепло, нежность, и взгляды ниц —
И легкий сон дрожит, волнуется и тает
На кончиках ресниц.

~ 1986

* * *

В голове помои,
В памяти дыра —
Будто из запоя
Вылез на гора.

На бровях засовы,
Набок свернут нос,
И фингал лиловый
Бородой зарос.

Кто стреляет пальцем,
Кто утробно ржет...
Хрена ли тут пялиться!
Чтоб вас в нос ежом.

Тоже мне, эразмы!
Срать на этикет.
Человек в маразме,
Человек в тоске.

Мало ли, в кураже он...
Не буянит ведь!
Значит, уважение
Надобно иметь.

Будь то родич с пальмы,
Пьяный пономарь,
Или генеральный,
Скажем, секретарь:

Кто за что в ответе,
Кто к чему привык —
Всем когда-то светит
К черту на шашлык.

Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить...
Ладно, не крестись...
Нам бы только разик
По мозгам пройтись

Полотенцем влажным,
Да в кофейный мрак...
Мы еще покажем,
Что, чего и как!

~ 1984 ...

* * *

Уже не верится, что было,
Что удалось однажды мне
Проснуться в бесконечно милой,
Желанной, сказочной стране, —
Что это здесь, на самом деле,
Со мной, во мне, со всех сторон —
Каштаны, липы, сосны, ели,
Kléber, Copernic, Lauriston...
Да, это он беспечно-старый,
Строгий и пламенный Париж —
Мюзет мостов, блюзы бульваров,
Фонтаны башен, трубность крыш,
Boulogne, Vincent, Bercy, Bastille,
Monceau, Brassens, Butte-Chaumont...
Язык цветов, слова простые —
Как суть народов и времен.
Нет сил от впечатлений ярких
И рухнуть замертво готов?
В «стекляшке» на Champs Elysées, у арки,
В ассортименте пир богов:
Полезно, вкусно и красиво,
На незатейливом столе —
Salade du chef, framboisine,
И настоящий crème brûlée!
И снова в путь — встречайте, дали!
В каскадах зноя, в бунтах гроз —
Великолепие Версаля,
Очарование Chevteuse...
Все — рядом. Поездов летучих
Струятся струны... В песне их —
И водопады в горных кручах,
И голоса ручьев лесных...

Все — навсегда. Не перестану,
Воспоминаниями больной,
Верить в дыхание океана —
И алый парус над волной.
Все ново — и давно известно.
Вся жизнь — не дольше двух недель.
И ты — божественно уместна,
Как запах розы в Bagatelle...
Не наяву — так хоть во сне бы
В тот край, запретный и родной...
О Франция! — земля, где небо
Почти сливается с землей.

июнь 1999

* * *

Нет такой профессии — поэт,
или математик, или философ...
Не зарплаты ради светел свет,
не в графу — боль проклятых вопросов,
и не для того сквозь ненависть
и страх в суету вырастает гений,
чтобы суду истории предъявить
перечень прозрений и свершений.

Да, конечно, мы приучены:
всякой плоти есть цена — и даже
шепот звезд, дыхание весны,
истина, любовь — все на продажу.
Пусть себе способны на невесть
что любимчики Минервы или Феба —
но поэту нужно пить и есть,
и над головой — кусочек неба.
И тогда, через не хочу, скрепя
сердце и совесть уламывая,
начинают продавать себя —
строфами, параграфами, главами...

Это смерть. Художник сыт и пьян,
он уже не думает о там, как
подлая блаженность бытия
отразится в предках и потомках.

Значит, все сначала — и снова в путь,
с новым веком заново учиться
забывать, прощать, бросать в толпу
букетики будущих традиций,
и не ждать, что свыше грянет зов,
что признают, облекут — и кто-то

пожалует загнанных творцов
и даст настоящую работу —
с огоньком, с надеждой, для души, —
не по силам, а как можно выше;
чтобы не свершить, не завершить,
а прочесть — и пусть другой напишет;
чтобы не ради славы или монет...

Все равно. Пусть не было и нет их,
это не профессия — поэт.
Будем ждать. Еще придут — поэты.

~ 1995 ...

* * *

Мне благоволит судьба,
мне всего хватает —
только уши выше лба
все не вырастают...

Лето солнечных забав,
осень золотая...
Только уши выше лба
все не вырастают.

Снова зимние снега
по весне растают...
Только уши выше лба
все не вырастают.

Господа и голытьба —
млеют и мечтают...
Только уши выше лба
все не вырастают.

Под землей гроба, гроба...
Снизу долетает:
Люди, уши выше лба —
нет, не вырастают.

Вот и славно: всем труба.
Истина святая
ждет — но уши выше лба
пусть не вырастают!

* * *

Когда бы я уважал традиции сонета,
Уподоблялся бы старинным мастерам
И блюл высокий штиль, и неприкрытый срам
Не выставлял бы за подобие сюжета...

Не дай бог всунуть слог, ударенный не там,
Размер, цезура, плавность мысли и куплета
И рифмы по своим местам — а не как в этом:
Стояло посредине — стало по краям!

Но что главней всего — так это соблюдение
Субординации: чтобы каждою строкой
Высокопоставленный критик-академик

Гордился, как своей, — набитою рукой
Поправил пару запятых, да выдал денег
Новой звезде пера... А я, вот, не такой.

* * *

Я просто играл словами.
Так, светская ерунда.
И все же пленен Вами:
Мгновенно — и навсегда.

Мечтайте, или не верьте, —
Приходит к нам иногда
Любовь — будто дата смерти:
Однажды — и навсегда.

Где временем стать позван,
Рифмуются без труда
Сад сердца и Вы — как роза:
Недолго — но навсегда!

2012

* * *

Не для созерцания.
Штрих. Другой. Всплески линий —
не лилии лиц,
не лепет лепестков,
нет! Этот взрыв тишины —
только начало, разбег,
брошенная перчатка,
в морду,
в вечность
и пустоту.

Тихо, тихо, тихо
вытикают остатки времен
тысячи тысяч метрономов моего сердца,
и вот оно,
черное, гордое,
грязной грудой
между вашей вселенной и мглой,
вне вас,
вне меня
вне
любых «не».

Прочь,
искатели истин!
Не позволю
угадывать и просить,
обещать и надеяться,
смирненно ждать
космической милости.
Рву в кровь
блаженство и верность,
лицемерные символы

плоти,
ликующей наготы.

Мне — можно.
Пока ваши послушницы
беззубо
примеряют дареные серьги,
я — вырубил блики,
ступени —
стены степей,
окна океанов,
гробы пирамид,
вздор гор,
где прикованы стороны света
к цапфам меридианного круга —
и вместе
все это
ваш мир,
в котором слова и слезы.

А что, собственно, произошло?
Вырастает трава — во все небо.
Шероховатое солнце
питается крошками зим.
Глаза из орбит на тоненьких стебельках.
Потом опадут —
и уже ничего не видно.
Потому что
слизь закатов —
не для созерцания.
Упадите штрихом.
Влейтесь в линию.
Вы еще здесь —
сделайте что-нибудь!
И только потом — пауза.

* * *

Бросаю в вечность семена.
Что прорастет из них?
Быть может, небо и луна?
Лунно-небесный стих?

Или — безумие звезды,
Нейтронно-черный ад?
Технократические льды?
Проникновенный взгляд?

Мне что? Я только пыль, трава, —
всплеск, отзвук, точка, миг...
Роняю вечные слова,
беспечен и велик.

Потом замрет обратный счет,
на кромке нулевой:
и грянет где, когда придет,
сойдутся для кого, —

и сохранят, и подберут,
и повторят мудрей...
А розе все равно, чей труд
даст совершенство ей.

Злодеем, гением ли слыть,
вершить, и побеждать...
Куда трудней — не торопить,
не обещать, не ждать.

Бросаю в вечность семена.
Мне ли дышать скромней,
когда во мне болит она,
волнуется — во мне!

За гранью звездной вышины,
под небом и луной,
прохладно-пламенные сны
встречаются со мной.

Чтобы за всех, как никому,
взойти и отстрадать...
И вновь — на цыпочках, во тьму,
без грязи, без следа.

~ 2005

* * *

Если есть на небе звезды —
это надо аккуратно,
чтобы часом не обжечься,
или челюсть не сломать:

выбирайте потемнее,
но не так, чтобы уж очень, —
а не то на месте зуба
будет черная дыра.

И, конечно же, манеры:
не давиться, и не чавкать,
пить бесшумно — и не базарить
со звездой на языке...

Звезд на небе очень много —
но зачем же объедаться?
Обязательно оставьте
пару-тройку на развод.

Если есть на небе звезды —
есть, как минимум, и небо.
А иначе для чего бы
где-то быть и что-то есть?

~ 1983

* * *

Бежать за ручьем, идти с дождем,
звездной мерцать тишиной;
над каждой розой — соловьем,
под каждым утесом — волной...
До и потом — миллионы лет.
Но нет нас — ни «до», ни «потом» нет.

~ 1990

* * *

Кто-то пишет большими буквами.
Кто-то пишет кровью.
А кто-то просто пишет.
Портреты, письма, завещания.
Или все пропало.
Или просто пишет.
Ради любви, в вечность, для души...
От избытка, из нищеты.
Просто пишет.

~ 1998

* * *

Исчислить эллипсы планет,
жалеть разграбленную Трою,
возвысить мрамор, спеть сонет...
Все это было не со мною.
Еще мечтается порою...
Но это — не моя мечта:
хоть на растопку берестою —
не бесполезна пустота.

Среди мудрейших места нет
слепцу, с больною головою.
Не в небеса — так в кабинет,
приглядывать за суетою.
И что? Сижу вот тут — и ною:
мол, биография не та...
А тем, кто обзавелся тою, —
не бесполезна пустота.

Начхать на славу, звон монет...
Монументальностью литою —
в руину, в книгу, в интернет,
в историю... Под золотую
буквой — как гробовой плитою.
Красноречивей эпита-
фии не выдумать герою:
не бесполезна пустота.

Друзья, — чьей памяти не стою, —
ничто не с чистого листа.
Пусть станем мертвой пустотою —
не бесполезна пустота!

2008

* * *

Я люблю без границ, я предела достиг:
 Не убавить любви, не возвысить любви.
Нет причин у любви — только вечности миг
 С ней, великой, величием сопоставим,
 И слова не нужны.

Не умею молчать — не способен любить.
 Даже если нельзя, невозможно не петь.
В каждом звуке — запрет; пусть из золота нить,
 Но любви тяжела и воздушная сеть.
 И слова не нужны.

Где еще не вина — но уже не игра,
 Где за черным окном небосвод голубой, —
Только вздох, только шаг за последнюю грань,
 И останутся двое — нет, только любовь!
 И слова не нужны.

1985

* * *

Мир убивает. Тем и славен он.
Ни для кого ни злее, ни теплее.
На каждого недугов миллион:
кто чем умеет — тем и заболевает.

Первоначал полно, а суть одна:
нельзя, чтобы судьба казалась раем!
Потоп, чума, тоска, или война, —
гноим себя — и гнило помираем.

Стихи — одна из нравственных простуд,
бессмысленная страсть скупого слова,
холодный пот: разбудят — и пройдут;
осадок строк — темно и бестолково.

Дельцы спешат на этом поиметь,
вложиться в гонорары, или в славу, —
оскалиться профессией — и впредь
самим доить площадную ораву...

Но будничная бездна смертных тел
не в корм ни дилетантам, ни умелым;
а если кто-то и переболел
ненужностью — кому какое дело?

Забот по горло: только бы доползти,
отмаяться, отбыть, сыграть, дать дуба...
Соблазны бед на жизненном пути:
успеть бы подхватить, и не одну бы!

А что стихи? Хроническая хворь.
На морде не видна, и не заразна.
И пусть сама с собой — ни для кого, —
идет душа на муку как на праздник.

1992

Petite fleur

К. Бальмонт

Невинные черты, глаза и руки,
негромкий голос чаровал меня:
краса без красок, тепло без огня,
мудрость без горечи, любовь без муки...

Но чуткий дар божественной науки
войдет в поэта, струнами звеня, —
и он по цветникам ночи и дня
разбрасывает запахи и звуки.

Я знаю знаки тайных языков:
я понимаю всех — и понят всеми, —
сплетаю вдохновение и время
в искусной вышивке без узелков...

Прекрасно. Но пора вернуться к теме:
стихи — когда не замечают слов.

1990

* * *

Годы странствий, минуты блаженства,
вереница сомнений и дел —
междометиями взгляда и жеста...
Мир состарился и постарел.

Без усталости — утомленный,
бездной в объятиях вышины...
Сны провидцев, дерзания влюбленных,
бремя гениев — ему не нужны.

Значит, можно спокойно, достойно,
подытожить и завершить
бесконечность душевных историй
увяданием последней души;

не упасть обессиленной грудой,
а исполнить вселенность свою:
пусть молчат эпитафии — нетрудно
догадаться, кто, светел и юн,

обаятелен, горд и отважен,
в лабиринтах мечты и труда,
все познал — но уже не расскажет
ничего, никому, никогда...

~ 2011

* * *

бывают слова —
будто писаны беличьей кистью
на тончайшем китайском шелке

другие —
с достоинством выведены золотым пером
на фирменной дорогой бумаге

у кого-то —
замысловатая гравировка
на мраморных плитах истории

моя поэзия —
современно и демократично
на чем попало
шариковой ручкой

~ 2004 ...

* * *

Через болота и пески ты пролагаешь путь,
В ночи сомнений и тоски ты освещаешь путь.

Я ошибался, я страдал, я бредил в темноте...
Ты глянула в мои зрачки — сказала: знаешь путь.

А мне казалось: не пора, — прощаться не хотел...
Но мановением руки ты посылаешь в путь.

Что взять в дорогу? Беглость фраз, моток надежных тем,
Лепешку из простой муки? — что собираешь в путь?

Нет, твой закон не в памяти, не в пошлой суете!
В тебе движения ростки — ты вырастаешь в путь.

И нет прекраснее тебя, ты — истина путей.
Твои кумиры высоки — по ним сверяешь путь.

Ты приказала мне: лети! — я за тобой летел.
Крылья фантазии легки, ты им вверяешь путь.

Ценнее тысячи миров одна живая тень.
Достаточно одной строки — в ней постигаешь путь.

Когда придется замереть на роковой черте,
Снега посеребрят виски — и уступаешь путь.

Но не остынет лава дня, и, верная мечте,
Ты — русло огненной реки, ты продолжаешь путь.

~ 1983 ...

* * *

Когда бы я мог рассказать,
зачем бы мне это молчание?
Копеечными свечами —
в обшарпанные образа.

Когда бы я мог показать,
познал бы я это отчаяние?
Обыденность встреч не случайна —
но не разлучаться нельзя.

Когда бы я мог не любить,
могла бы эта память не длиться?
Из бездны, из роли — на бис.
Зачем этот призрачный путь?
Не лучше ли забыть и забыться?
Когда бы я мог... Что-нибудь.

~ 1999

* * *

Шутить изволите? Хи-хи, ха-ха...
Кривляние зеркал перед зеркалами.
Где чудо вдохновенного стиха?
Венец всему — в заклипаной рекламе.

Рифмуется легко? Да ради бога!
Замусорить года и города —
закон для тех, кого не судят строго.
А форма безупречности тверда.

Но, — пусть это покажется смешным, —
мне свыше знак: доньше в мире этом
не только остряки да болтуны —
есть и чистопородные поэты.

А вы, кому по жизни вечный праздник, —
вам надо не к врачу, а к палачу, —
и попросить какой угодно казни.
Нет, кроме шуток! Я, вот, не шучу.

~ 2007

* * *

Вот и опять не встречен
нашей не встречи вечер:
вечности подвенечность,
меркнувшие свечи...

Нет никакой тайны.
Сказка у нас простая.
Я не живу — таю,
и не зову — знаю.

Нам никогда не рано
друг для друга остаться
выдумкою странной,
зыбкой свечой танца...

Чтобы и впредь, как прежде,
в каждой боли весенней
веровать в неизбежность
новых неповторений.

май 1985

* * *

Этот снег, безумно белый,
этот синий бред небес...
Ты ждала, ты не хотела...
Не судьба. Все то же — без.

Чем спокойней, тем страшнее.
Жизней много — смерть одна.
То ли снег опять синееет —
то ли неба белизна.

Сжег одежду. Продал мебель.
Стер последние слова...
Будто в белоснежном небе
спит сугроба синева.

2012

* * *

Огненный вечер,
всполохи тем,
музы доверчивой
шепот, постель,

бархат желаний,
шелк наготы,
бережным пламенем —
звезды, цветы...

Пышные косы,
черная ночь —
лунная россыпь
рифмами, но...

Нет вдохновений
в мороке сна,
в утренней лени,
в прозе окна:

пятнышком просто,
старый недуг, —
красная роза
в мертвом саду.

В памяти вечность
с углями книг:
бархатный вечер,
звезды, огни...

Будни тернисты.
Совесь чиста.
Строки, страницы...
И — пустота.

2012

* * *

Ничто не ценится — ни ум, ни красота...
Имеет цену — да, но ценится — едва ли.
Здесь всех и каждого не раз уж продавали,
И ни одна душа меж нами не свята.

Так стоит ли слезать с уютного креста?
Для блага общего, коли не врут, распяли...
Все схвачено. Мессию в камне изваяли —
И все равно, о чем молчат его уста.

Пусть вместо совести — сплошная чистота,
И бесполезно звать в неведомые дали —
Зато понятно: что за чем, где и когда.

А сказочники мало ли чего насочиняли!
Та дверца, за холстом, в гнилом полуподвале...
Все знают, что она надежно заперта.

~ 1991 ...

* * *

Я не верю наемным солдатам,
Я не верю стыдливым дельцам,
Веры нет господам-депутатам,
Веры нет преподобным отцам.

Мир давно уже вырос из детства.
Одиночество спрятать легко
За монбланами юриспруденций
И чугунными лбами братков.

Поумнели вчерашние звери,
Стали хитрыми — но не людьми.
Жизнь сложна. И не следует верить
Ни судьбе, ни друзьям, ни любви.

Каждый день сухомятка — консервы
Внешних связей и внутренних войн...
Я не знаю ни правды, ни веры —
Презираю себя самого.

Неимущий — вовек не обрящет.
Для чего тогда линии гнуть?
И настойчивый голос все чаще
Шепчет в душу и тянет ко дну.

Капля крови — смешная потеря!
А взамен — избавление от мук...
Мне уже все равно. Я не верю
Ни во что, ни в кого, никому.

~ 1997 ...

* * *

гордые плечи,
гневные взоры,
горькие речи,
слезы, укоры,
холод, ненастье,
небо ничье...

трудное счастье
быть
для нее!

1993?

Янус

1

Грозное лето втайне мечтает уйти
от суеты, остыть, устало свалиться
за горизонт, за круги земли
и неба, в тихие, молчаливые
струи хрустальных светил.

Значит — пора шелестеть
пышностью праздника, — платья
в красном и в золоте; не плакать,
а петь, радостью провожать —
и встречать без тени смятения.

За пультом — маэстро дождь,
тысячепалое чудо, — сутуло
листает ноты, пюпитры туч
расставлены, замерли оркестранты — ждут
звуки, готовы — в чуткую ладонь.

Любить, пока тепло. Влажные
губы — капли слов. В танце
пламя волос разметать — и смерть,
может быть, засмотрится, замечается —
и забудет, зачем пришла.

2

Отмается, отгорит —
Иссветит себя и остынет...
Кончаются календари.
Последняя правда, страницы пустые —
Кончаются календари.

Ни унизиться, ни взлететь —
Ни замереть устало...
Лохмотья вчерашних тем,
Ладони в рубцах — без конца, без начала...
Лохмотья вчерашних тем.

Ушло, или мимо прошло?
Одно другого не лучше.
Несбывшееся тепло
Не здесь, не теперь — невесомо, беззвучно.
Несбывшееся тепло.

И — ничего. Туман.
Промозглая серость сырая —
Лишь ветер бредет по холмам,
Тяжелые листья с земли подбирая.
Лишь ветер бредет по холмам.

~ 1984 ...

vivo, malvivo

Impreso de nubo —
Aŭ tamen de homo?
Ĉiam hejme en dubo —
Kies vere ĉi domo?

Treniras laŭ strato
En kvazaŭ flugado —
Senkorpa kantato
Sen propra kantado;

Pro devo elpensas
Nedevigan scion,
Kelkion atendas —
Sed kiu konas kion?

Kaj kiom ajn faras,
Dum kontraŭfaranto,
Esperon miskunparas
Kun malesperanto.

sumero 1974

* * *

Пора. Зовут на выход с вещами.
Грязь, мрак, архангелы трубят...
Кто слишком много обещает —
не доживает до себя.

Будьте бессовестней и проще,
не воплощайтесь в облака —
и ваших дел святые мощи
с почтением сохранят века.

Что тут такого? Неужели
не сдернуть лоскуток с судьбы?
Не ради слав и достижений,
а просто — полноценно быть:

вместе со всеми — увлекаться,
лить — так до края, пить — до дна...
Кому в цветах, кому без глянца
досталась жизнь — но есть она!

А я... Сам по себе, никчемный,
ничей: ни полон, ни пустой —
недопоэт, недоученый,
недомудрец, недоникто.

1984

* * *

Я лишь один из них, проникших в тайну тайн,
превыше всех высот, за краем края,
кого в гуще толпы хранит и отделяет
от смертных и слепых незримая черта.
Когда решишь стряхнуть с души забот тряпье
и возродить нагую суть людского рода,
прими и возвести учение мое:
да здравствует духовная свобода!
Освободи себя от мыслей и тревог,
от разрушения — и от созидания...
Пусть беспрепятственно течет сплошной поток
младенчески невинного сознания.
Дух просветленной мудрости — сродни
хрустальной сфере: если в ней источник света,
какою стороной ее ни поверни —
всем без разбора шлет лучистые приветы!
Твори ни для кого: водовороты мира
не увлекут вкусивших горней чистоты.
Кем бы ни стал для прочих ты —
но из себя себе не сотвори кумира.
Ты можешь призывать — но осуждать не вправе.
Когда же боль, и мочи нет терпеть, —
помни: ты флейта, рок на ней играет,
ее судьба — не прорицать, а петь.
Здесь будет — что сбылось, и сбудется — что будет.
А сгинет все — в том нет твоей вины.
Мы не обязаны, и не должны, —
еще не боги, но уже не люди...
Есть то, чем станем, — и не отвертеться,
не сгладить, не свернуть с великого пути...
А коли не вдохнет ни разума, ни сердца,
прости его — оно тебя простит.

~ 1984

Последний сонет

Крыло без птицы, птица без крыла.
Свет без звезды, звезда без света.
Рассвет без дня, день без рассвета.
И запах... Роза отцвела.

Нет неба, и под небом пустота.
Дни сочтены, память неисчислима.
Любовь бессмертна — но невоскресима.
Да, в точности такая, — но не та.

Штормит, гул по лесам, — ни ветерка.
Поэма, музыка безмолвий.
За горизонтом — пуанты молний.
Ледовой лентой — времени река.

Уходит все. И мой исполнен труд.
Но тени этих теней — не уйдут.

2012

* * *

Приготовьте мне яду, ребята.
Благодарно за вас изопью —
Как мечтой упивались когда-то —
Судьбоносную чашу мою.

Приготовьте мне яду однажды —
Власть и сердцу оно, и уму...
Из объятий пылающей жажды
Я шагну в первозданную тьму.

Приготовьте мне яду с любовью.
Пусть хоть что про нее говорят
Подрастающему поголовью —
Мы-то знаем: любовь — это яд!

Приготовьте мне яду покрепче,
Понадежнее — чтобы потом
Не могли ни мгновенность, ни вечность
Поселиться на прахе моем.

Приготовьте мне яду на славу —
Полной мерой, с лихвой, от души...
Суд свободы, венец величавый,
Сокрушенную плоть сокрушит.

Приготовьте мне яду, устройте
Пир, где в нас ни богов, ни зверья, —
И не втравлена в гордые строки
Ядовитая совесть моя.

* * *

Ну, что вам еще озвучить?
Новых идей нет.
Кое-кому лучше
не появляться на свет.
Вместо того, чтобы
гниль избытков тщет
прятать под крышку гроба,
честнее — не быть вообще.
Спрашивается: чего ради
лезть в чужой кисель?
Пользоваться и гадить?
Да уж! Благая цель.
Вперед, за ордой подлой!
Чем старше, тем важней
лить без конца воду,
а после — концы в ней.
Без совести, чисто конкретно,
прикидываться ловчей
то физиком, то поэтом,
то супер-бог-знает-чем...
Таков мир — будь он неладен!
Долбит, как в ступе пест.
Но и при таком раскладе
надо бы знать честь —
надо пройти мимо,
не позволять себе
взваливать на любимых
проклятие пошлых бед;
чтобы — никого не тиранить,
чтобы ни слов, ни дел...

Молитвами ли, стараниями
вашими — не сумел.

* * *

Всякой бочке есть затычка,
всякой печке — таракан,
всякой мерзости — привычка,
злым стукам — истукан,

лизоблюдам — блюда Лизы
подкаблучникам — каблук,
инкарнациям — карнизы,
полкам — пол, лукошкам — лук,

Аполлон — апологету,
крематорий — мертвецам...
Только бедному поэту —
ни начала, ни конца.

* * *

Напрасно ждать от пошлого паяца
Высоких правд последнего суда.
Всему свой срок. Блаженная беда
И в шестьдесят грозна, как в восемнадцать,
Не напоказ — взрывается звезда,
Когда она не может не взорваться.

Созреет плод — и лопнет скорлупа.
Проснутся сны, разочаруют чары,
И память первобытного пожара
Легко войдет в пустые черепа.

Вопрос не в том, достойна ли толпа,
И так ли уж бесспорна благость дара...
Смерть и любовь — спасение и кара, —
Боль, труд, и совесть — как всегда, слепа.

~ 2010

* * *

Тело станет прахом,
эхом слово станет,
вера будет страхом,
истина обманет,
тьень — светлее света,
слаще страсти — боль...

Про кого все это?
Не про нас с тобой!

~ 2006?

у-и-о-е-а

Юнец наивный, неуч и нахал,
вообразил себя прикосновением к чуду:
цвет бытия, начало всех начал...
Хочу — и буду!

И что? Пора! Достиг чего-нибудь?
Не оправдал... Теперь гордыня не по чину.
Спет каждый звук, и прожит каждый путь, —
наполовину.

Совет: скромнее, поумерить прыть,
не лезть в анналы — по телам, по бездорожью, —
а боль в душе нетрудно усыпить
невинной ложью...

Творцы — не могут не смотреть вперед.
Им ни родного праха, ни благих небес нет.
Для них мир был, пребудет и умрет —
и в них воскреснет.

А ты — другой. Из тех, что каждый день
встречают как судьбу, любой подачке рады...
Всего лишь человек среди людей.
Не жди пощады!

~ 2010

* * *

Число тринадцать мне судьбой
даровано в поводыри —
и без ронделя, хоть умри,
не сделаться самим собой.
Как лунный лик, как зов зари —
число тринадцать мне судьбой
даровано в поводыри...
И мог бы: в лад, и в разнобой,
без рифмы, с рифмою любой,
и даже прозой... Но — смотри:
число тринадцать мне судьбой
даровано в поводыри.
И без ронделя — хоть умри!

1982

* * *

Когда бы я из пустоты возник
не ради тех, кого нет больше с нами,
я мог бы посвятить Прекрасной Даме
благоуханных строк живой родник,
сиять звездой, бутониться цветами,
дыханием весны в судьбы проник, —
когда бы я из пустоты возник
не ради тех, кого нет больше с нами.
Но я всего лишь мыслящий тростник:
среди напрасных дел, ненужных книг, —
лишь безымянность между именами.
А мог бы спать, и наслаждаться снами...
Когда бы я из пустоты возник.

2012

* * *

День за днем. Облетают листья
наших встреч с омертвевших снов.
Сколько же можно предзвмью длиться?
Все остыло, пора бы — но...

По артериям улиц серых
гонит ветер серую кровь
безнадежных дождей — нервы
на пределе, и только тронь —

боль за болью, терпкими искрами, —
брызги в прах разбитых зеркал...
Осень. Память. Серые призраки
первобытного ледника.

Камень тает. Плоть полыхает.
Для чего собирать золу?
Не нарушит ничье дыхание
караваны ущербных лун.

Смерть за смертью в ничто уносит
сны, в которых встречались мы...
Бесконечная стылая осень —
и никак не дожидаться зимы.

* * *

Я поставил свой дом
в самой гуще людских жилищ...

Тао Юань-мин

Я был пустотой,
из которой возникло время
и стало моим дыханием,
наполнило все собою.
В каждом моем вдохе —
тысячи тысяч солнц,
и — на долю мгновения —
чьи-то земля и небо.

Я был тишиной,
предчувствием этих стихов,
заполнивших все миры
музыкой страсти и боли.
Каждый ее звук —
тысячи тысяч слов,
рожденных и невозможных,
в мудрости и любви.

Я был красотой,
истокom любых творений,
новых времен и стихов,
странных, непостижимых...
На каждом шагу —
свитые кем-то гнезда...
Может, и мне, чужаку,
рядом найдется приют?

~ 1984?

* * *

Мир без любви — безликий, безголосый:
Нелепость Солнца, холодность Земли...
Она пришла — и розы расцвели,
И по небу — звезд розовая россыпь!

Но вот его ответ на все вопросы:
Сосуд разбит, снов лоскутки в пыли...
Лживые боги — не уберегли.
Не воскресить глаза ее, и косы.

Так надо, говорят: прилив — отлив...
Но где-то в глубине оборвалось — и
Застыло время холодом белесым,
Чтобы в пустой, безжизненной дали
Слепые тени сумрачно брели —
Без правды и судьбы, наги и босы.

* * *

Как всегда. А между прочим — мы
честно предупреждены:
одиначкам — одиночество,
остальное — остальным.

Хочешь правды? — так оправдывай,
распинайся на кресте.
А не радуешься радугой —
смертность тем затащит в тень,

где невозмутимы омуты,
блюдо дня — линиялый люд...
В чем-то тронный, чем-то тронутый,
злбный вальс, обвал валют.

Ни начала, ни значения...
В греховодности святой,
между чем-то и зачем-либо —
полновесное ничто:

отвлеченно развлекается
от забора до звонка
оканоненное каинство —
виртуальные века.

Не успеть бы, не додуматься,
не дозреть, не намудрить
на беду беззубым улицам
золотые фонари...

Для историй время позднее.
Пусть бредовости бредут.
Не отстать уже от поезда,
и не спрыгнуть на ходу.

Но пока мазками станции —
из окна, из-под брони,
никому не возбраняется
пару истин обронить.

Связно ли, невразумительно,
под сурдинку, с кондачка...
Влезть. Подставиться под критику.
Заголовками мелькать.

Миг от вечности до вечности —
откровение почти.
И смешное человечество
так забавно загрустит:

размечтается, расстроится,
разгуляется гуртом,
по бастилиям и звонницам
оттанцует, а потом —

за успех! за небо в ирисах!
за здоровье милых дам!...

Подерутся, и помирятся,
и забудут — как всегда.

~ 2011?

* * *

Когда-нибудь, когда-нибудь
настанет этот час:
проводят нас в последний путь —
а может, и не нас...

Известно: хоть какой букет
болезной пакости —
без провожатых на тот свет
дороги не найти.

Да будет тьма! Ура-ура.
Под тост, без задних ног.
И пусть издохнет чей-то рай.
И пусть ослепнет бог.

Не нам менять закон земной:
порядок есть в дому.
А что найдем за тишиной —
не скажем никому.

* * *

Воспитывайте в строгости поэтов.
Неча — с раешным рылом в божий ряд.
Пусть как у всех: квадратные куплеты
четырёхстопным ямбом говорят.

Народ и так устал от вечной драки
за каждый вздох, от мерзости кругом...
А тут ему досужие писаки
под мокрый глаз — горячим утюгом.

Спокойнее. От забора до обеда.
Не трепыхайтесь. Хватит. Миру — мир.
Страна на букву «х» — но наши беды
нам дороги, как броский сувенир,

который застеколить по гостиним,
прочсть под оливье, под Новый год...
Ничья судьба без праведной причины
не попадет в достойный переплет.

Держите в рамках и судите строго.
Чтобы фокусы без вольностей — чтобы, глядь,
всерьез против начальника и бога
не вздумали чего напасквилять —

и не искали на светильах пятна,
и выкинули дурь из головы...
Всем хорошо, все просто и понятно:
живые — живы, мертвые — мертвы.

~ 1993

* * *

Я знал печали,
я знал беду;
бродил ночами,
а дни — в бреду;
я падал в небо,
летел ко дну;
я был, я не был —
дал, обманул...
Песок и счеты,
свод, календарь...
Все мимолетно —
все как всегда:
игрою света,
стылым листом...
Зачем мне это?
Или — за что?
Слова, и встречи,
за кругом круг, —
прославлен, мечен,
мечта, недуг...
Никем не создан,
космос кружит:
пустыня — звезды
и миражи.
Протест бессмыслен.
А разум здрав:
смятение истин,
упрямство правд,
судьба светла и
печальна весть:
я знал... я знаю;
я был... я есть.

* * *

Слой за слоем, из глубин холста,
за мазком мазок, и тень за тенью...
Будто грязь — прелюдия к растению,
в модном слове — мысли нагота.

Но решит художник: нет, на так! —
и скребком по страху и смятению,
и опять — надежд переплетение:
от грунтовки, с чистого листа...

У природы замыслы свои.
Расточительна и терпелива,
вновь и вновь: возвышенность любви,

музыка, великие умы,
время — от прилива до отлива,
разум — от прозрения до тьмы.

1984

* * *

Изюминки всеобщего труда
под шоколадом грандиозной цели:
бегом, бегом... Боялись опоздать.
И вот, в конце концов, — ура! — успели...

И что с того? Чем веселее здесь,
вдали от вожделиний глупой плоти?
Зачем одно другому предпочесть?
Ради чего топить себя в работе?

Незавершенность — двигатель времен.
Пока хватает варварских традиций,
наш самоварно-золоченый сон
способен воплотиться — и продлиться.

Так что же? совершенство — только миф,
самообман, бредовость веры в чудо?
И становиться — но не быть людьми?
И ни за что, ничем и ниоткуда?

Но и сомнения, стало быть, умрут!
Вперед, без суеты, — всего и много.
Пусть бесплоден вдохновенный труд,
пусть никуда не приведет дорога, —

не вешать нос! — держите хвост трубой.
Чума, землетрясение или цунами...
Что нам гоняться за своей судьбой?
Пусть она гоняется за нами!

* * *

Вечер
бел.
Плечи —
мел.

Падал.
Пал.
Надо:
бал.

Шепот,
шелк...
Опыт.
Долг.

В теме
снег.
Тени
век.

Взгляда
сталь.
Надо.
Жаль.

В сини
Влит.
Стынет.
Спит.

Слово —
нож.
Снова
ложь...

~ 2003

* * *

Навеян не тобой и посвящен другой
Случайных встреч и снов забытых воплощение
Обманчивый покров любви и восхищения
Годится для любой угадливым слугой

Назойливый прибой порок и очищение
Условность нежных слов ложь дерзости благой
Дурманы лепестков миндальной нугой
Надежды голубой на шоколад смущения

Оставленный судьбой божественный изгой
Средь прочих небогов без гнева и прощения
Храню неверный дар причастности судьбе

Последний из даров волшебной дорогой
Звук холоднее льда и святости священнее
Навеян лишь тобой и посвящен тебе

Тапер

Длинные серые птицы.
Рваная кровь туч.
Сбудется, не случится?
Горечь, надежды луч...

Не угадать, встретить,
выстрадать, век терзать...
Дым, зеркала, сети,
вздыбленные глаза —

публика это любит.
Впрочем, не им судить.
Занавес: птицы, люди,
ноты — ответ один.

В сумеречной природе
корнями врос, взлетел —
нет пути: не проходит
послевкушенность тел.

Выбредились, были
всполохи, льды мук?
Грязная тряпка. Крылья.
Поздно... И ни к чему.

2012

* * *

Горд и упрям, в бреду, в самообмане,
прошел четыре четверти пути
от первых встреч до горьких расставаний...
Но так и не сумел ее найти.

И не было судьбы: ни днем, ни ночью, —
ни даже там, где гаснет связь времен...
Только одно незыблемо и прочно:
прекрасный сон — увы, всего лишь сон.

А как иначе? Жалость неуместна.
Вопросы и ответы — не ко мне.
Под страхом голоса, на грани жеста, —
сто тысяч жизней в неживой стране.

Мертва. Божественная, неземная...
Какая разница! Но, может быть,
я потому о ней не вспоминаю,
что просто не могу ее забыть.

* * *

В небе роз аромат плыл,
над цветами закат гас...
Я любил и любим был,
в глубине голубых глаз.

Не желать, не жалеть слов:
Две души — как один вздох...
Разве можно в рассвет вновь?
И куда бы уйти мог?

Черной памятью — дар мук.
Вместо праздников — гроздь бед.
Поезда мчатся сквозь тьму...
А за ней? Иногда свет.

Город в сумрак сырой вшит.
Где-то лунных дорог гладь...
Но когда не дано жить,
остается одно: ждать.

* * *

В ее душе нет глубины,
в ее цветах нет тайны;
ее прозрения — темны,
намерения — случайны.

По кромке памяти она
скатится каплей красной —
и гаснет мертвая волна.
Безропотно, бесстрастно...

Стихии немы, сны слабы:
насильно не заставить
ненужность — быть или не быть,
невечность — стыть и таять.

Что проку в сотый раз решать!
Вновь гости плену рады,
где есть цветы, и есть душа, —
но нет отрады.

~ 1996

* * *

Вздор все это. Ничего не изменится.
Ныне, и присно, и во веки веков.
Время — все та же старая мельница.
Мир — все тот же корабль дураков.

Лик невинности — дерзкая грешница.
Бездна разгула, монаший устав.
Слечь от горя — и тут же утешиться.
Дружно взяться — и перестать.

За душой ни гроша, ни бессонницы.
Вроде, не жмет, — но по жизни мало.
То ли честь защищать, то ли достоинство...
Что построили — то и на слом.

Вот и кучкуемся, атом на атоме...
С энтропией — зато в тепле.
Как обычно: в музей, экспонатами.
Прямо сейчас — через тысячу лет.

Даже если всех скопом затискает.
Много ли их, человеческих пород?
То же, там же, и так же бессмысленно.
Повторится — или снова придет.

~ 2006

* * *

Я для народа. Но не вы — народ.
Безумцами безумный мир играет —
и в нем поэт судьбы не выбирает:
он ничего не пишет, он живет.

Казалось бы, все как у всех. И вот,
кунсттрегерский синклит провозглашает
свободу, лезет в братья и равняет
с горним провидцем непотребный сброд...

Где мелко — там и пена. Убивает —
безродный камень. А в пучине вод
и в толще скал — нет суеты. Лишь тот
достоин вечности, кто ей не изменяет.

Я — для народа. Но не вы — народ!

1984

* * *

За речкой лес, сон-трава цветет,
в болотах морок пузырится...
И тысячу лет принцесса ждет
ее заблудшего принца.

Но сколько можно? Нет и нет.
Когда-то свое и миру бы.
Еще через пару сотен лет
леса на корню вырубят:

болота осушены, кругом прогресс, —
и спать, вот так, неприлично!
Лишь в детской книжке рисует лес
лесничий бывших Величеств...

А после и книги — старый хлам:
в моде сплошь виртуальности!
И вот уже долгая память легла
последнею строчкой на листе...

Мир не без чудес. Вдруг, кусочки их
из невесть чего придумывая,
какой-нибудь межгалактический псих
влюбитя в ее мумию?

И скажет, что пора воскресать,
разбудит дерзкими ласками —
и вновь заселит глупыми сказками
девственные леса...

Ну что ж, говорят: совет да постель!
Радостей им до гроба:
душистых трав, душевных вестей —
да не уставать чтобы!

Да, это старо. И, может быть,
не ляжет опять в музыку,
и где-то недотанцованный быт
покажется грязным и грузным...

Но если вся жизнь — недобрым днем,
в сердца хищными пальцами, —
пусть время наивных надежд уснет,
и больше не просыпается.

~ 2000

* * *

Приятно снисходительно прощать.
Божественно не ведать снисхождения.
Где не дано ни смерти, ни рождения,
легко не верить и не обещать.

Доставьте удовольствие судьбе:
пусть про себя себе воображает,
что кем-то беззастенчиво играет,
кому-то покоряется в борьбе...

Придет пора, настанут времена,
изменятся поветрия и нравы:
те, что бывали неизменно правы, —
смирения нахлебаются сполна.

И только мы, владыки пустоты,
чей каждый шаг — беда, желание — горе,
молчание в оживленном разговоре, —
мы навсегда. Смогли добиться и дожждаться:
пока не гаснут звезды и цветы —
нам с ними вновь блуждать и заблуждаться.

шепотом, шорохом, шелковой неслышью, тишью, колышимой лунностями дорожек, пышной походкой угасшего облака в душно-прохладных, как бывшие, вешние, вечерах, крошками, вспышками, взмахом, над шипами волн, ресничками, сонных, заблудших ошибок, не спеша, сгустившимся в вышине душам, вскользь, приглушенно, вздыхающим эхом полынных прощений на слипшихся пыльных афишах уехавших шапито

формула взгляда

заревом, вызовом, звездным забвением, зябкой зыбью, в розовых лепестках, призраком, позерством, дерзинками ураганов, сонным призывом, отказом и состраданием, заново, по липкости лезвий, в зазубринах и бороздках, поддразнивая, словно презренная проза, прозрением, запретными безднами, напрасно, брызгами разума, варварской страстью, брезгливо и трезво, обрезками грязных изображений за праздностью разбито-тревожных зеркал

формула слова

пояс судьбы: утонченный орнамент, прозрачные тени, странные знаки на бархате черном, бусы несбыточных чисел, воском раны свечей, мерные пенные ноты, послание хрупких сетей, хребты неузнанных вечеров, корочки ночи в перчинках карм, тусклые фразы, обреченность беззубых историй, руки, пружины позорных бесстрочий, грусть зрачков, скрученных в будни, черта, напрасно обидному праху честь безыскусно просить предсказаний

формула неба

долг ожидания: продолжение движения, прежнею нежностью, обнаженность женского имени, смеженность век, меж мгновений, снежинкой, головокружение, коллаж, дань блаженству, логика, блажь, ложная сложность, жест, безголовые жертвы поблажек, положенные по службе флажолеты неудержимых смущений, безутешность, торжественно и скорбно, подержанно-влажная дрожь между тем отчужденных тел и праздной надежды

формула боли

~ 1984

* * *

Поэты миру не нужны.
Вечность — не лучшая затея.
Для незатейливых растений
они скучны: длинные, темны...

Вот и приходится — как все.
По закоулкам и задами.
Приличий будничную сеть —
на первозданность мирозданий.

Поэты суетны в миру,
обыденны и незаметны...
Так, вот, оглянешься вокруг —
и спросишь: где они, поэты?

Нет, на виду хоть отбавляй
мечтателей и стихоплетов.
Но лишь вчитаешься в кого-то —
и мысль: да ну их к богу в рай!

Сплошь мастера и мастерицы...
Когда же надо для души —
чтобы воспарить и окрылиться, —
полнейший ноль. Хоть сам пиши!

Только зачем? Кто ищет света —
уж светел. Где прозрачны сны,
поэты миру не нужны.
Но мир не может без поэтов.

И если тьма вместо цветения,
и злоба низменных теней, —
из безымянности своей
встают возвышенные тени.

* * *

Днем работа. На ночь сказки.
Сон. Будильник. И вперед.
Безучастно. Без опаски.
Слон облаянный идет.

Как у всех, всегда и всюду.
Пепел. Тело. Островок.
Словно битую посуду
грязным веником в совок.

До того — или за этим? —
или даже вместе с тем:
лезем в боги, шельму метим...
Больно — но не насовсем.

А что зреть — так сразу в корень.
Театральное ружье.
То ли радость, то ли горе.
Хоть кривое — да свое!

Безупречно.
То есть, вечно.
То есть, выпить или съесть.
Не колышет.
В трубку дышит
незаконченная весть.

По уставу. По погоде.
Гвозди в бархат. Служке мзда.
Все уходит...
Все.
Уходит.
В никуда и навсегда.

* * *

Красивым быть некрасиво.
Блистать умом — неумно.
Тупых удивить — не диво.
Смешливых смешить — смешно.

В плоти междутелей,
в стеснительной пустоте, —
много бесцельных целей
и путаных путей.

Прочь! Серьезных играя,
наперекор им,
мы себя — не выбираем,
а заново творим:

штрихом на грунт рассвета,
краской в последний мрак...
Спросите: зачем нам это? —
Но как иначе? Никак!

Выгнать с небес бога,
блаженствовать в раю —
это ваша дорога.
Мне бы мою...

Светом среди теней
чертом среди святых, —
обыкновенным гением,
небрежностью красоты.

~ 2006

Психея

Et cependant c'est moi qui vous le dis.

Девятнадцать веков отделяют меня от любви:
пережить, переждать, чтобы вдруг — удивиться, проснуться
вне бесчисленноликих трагедий, войн и революций, —
чтобы только пустынная сцена — и голос: живи.

Навсегда решено. И по-прежнему неуловим
жест — от смутной тревоги до деликатеса на блюде, —
и порыв: инстинктивно укрыть ожиданием куцым
ноты трепетных пауз — восьмых, четвертей, половин...

Все, конечно, закончится. Падает занавес. Утро.
И придется раскланяться, переодеться, забыть...
Брызги солнечных песен — в подарок лугам голубым.

Но пока — проплывают века, увлечением минутным, —
эти звездные знаки по бархату ночи, — как будто
девятнадцать мгновений еще не рожденной судьбы.

1984

Теория

Когда в моих стихах
слишком много меня,
складывается впечатление,
что я не уважаю читателя, —
и читатель перестает меня уважать,
и меня становится еще больше
в процентном отношении, —
а после перехода к пределу
я остаюсь один.

Когда в родной душе
меня хронически не хватает,
что ни впечатай — нескладно:
будто я по природе преступен —
и надо строить высокие заборы,
чтобы я налетал на них и больно
стукался квантовой амплитудой, —
а после туннельного перехода
безнадежно свободен.

Ко всему привыкается.
Одиночество и свобода на безрыбье тоже компания.

Выставочный экземпляр:
стихи и души,
ежедневно промытые посещением
множественности миров,
уголовно ответственной симметрии.

Потому что после полосатого перехода
город меняет четность.

* * *

Все готово. Болею — лица нет.
Жар — но столик заказан уже:
я тебя угадаю в мерцании
поздней сладости Шлюмберже.

Под кондиционером не дышится.
Жди, задумчивая душа, —
апельсиновыми ледышками
в запотевшем бокале шурша.

Чуть отгаивая между прохладами,
по инерции — холодком,
ты была бы игрушечно рада мне —
как пушистый котенок с клубком.

Наши нити не спутать. Оторваны
от имен, не страшны, не горды, —
вдохновения таксомоторные
под луной, в лепестках, у воды...

Где, звездинками солнечногубыми,
тьень за тенью спешит, день за днем,
ненадолго приснимся друг другу мы,
и проснемся — и снова заснем.

Fugato

Я умею изобразить.
 Строить из себя и строки.
 Поэтому и работаю поэтом.
 Сочиняю вас и ваши истории.

Кто думает, что он
 на самом деле, —
 на самом деле не думает,
 а лишь придуман как если бы
 был и думал,
 что думает, что есть.

Мне еще раз приснится.
 Анакондовая чешуя.
 Для пока неоколдованных.

Я умею околдовать.
 Произвести на свет и фурор.
 Предлагают другую работу.
 Но зачем, когда сон?

Когда кажется, что это
 может быть, —
 быть может, это не кажется,
 а только очень хочется, чтобы
 могло и казалось,
 что оказывается именно так.

Мое дело — стихи, или сны.
 Ускользнувшее тело.
 Алфавит, последняя буква я.

Она опять наводит красоту.
 Огнестрельное дуло.
 На еще невинную жертву.

Она умеет изобразить.
 Строить из себя и глазки.
 Потому никем не работает.
 Зачем, когда любят?

Пусть думают, что хотят
 на самом деле, —
 на самом деле они хотят
 не любви, а как если бы
 быть и любить
 любимое существо.

Ей пора бы отцвести.
 Окаминенная память.
 Про будущих поэтов.

Она умеет забыть.
 Породить мир и сплетни.
 Вероятно, могла бы замуж.
 Стоит ли? Сколько стоит?

Потом покажется, что время
 давно прошло, —
 а в прошлом одни кажимости,
 и можно задуматься, зачем
 было, и думалось,
 что желанна только она.

Кретосонет

Вброд, наощупь, по мокрым камням — оступиться нетрудно.
А снесет, да затынет, — и не дозовешься со дна.
Мы из каменных слез сотворили себе времена,
за которыми лживая вечность — темна и безлюдна.

Слава падшим героям! — но им ни к чему имена.
Не уйти от себя, как от ежеосенних простуд, нам.
Кто стремительно спит, кто в дела погружен беспробудно —
в каждой тайне измена, за каждым порогом — стена.

Только совесть, ни времени, ни небесам неподсудна.
За не нашу несбыточность — расплачиваться не нам.
Вброд, наощупь, по мокрым камням... Оступиться нетрудно.

Значит — снова и снова, из-под ресниц, по валунам...
И проститься с уютом свободы, как с кошкой приبلудной,
и откроется смертная правда — но только одна.

~ 2010

* * *

Бесконечности невозможны.
Нарисованные пути —
лишь до края листа. Мне тоже
Оборваться бы, уйти...

Разве молодости сулили
неприступные склоны лет
путаницей усталых линий —
на бумаге, не на земле?

Что бы заново не велеть им
в танец, в небо, в волшебство?
Увядающие плети
мыслей. Холодно. Никого.

С кем проститься? Чего с собою
не забрать? Чему не быть?
Ни страдания, ни покоя:
ни продлиться — ни уходить.

2004

Звезда

Это конченное лето,
не успевшее взлететь:
как простуженная флейта
вирусит закатов медь.

Сосчитали, как сумели.
Помогали, чем могли.
То ли дамы без камелий?
То ли глубь алмазных глин?

Осенит осенним светом
эпохальные черты:
нелетающее лето,
мамонты из мерзлоты...

Молодняк яйцеголовый
мутно вымудрит в отцы...
Вздор истории: *ab ovo*
alla coda, в цифру цифр.

Нахлебалось время оно
беспристрастности страстей!
Улетевшая с балкона
тряпка мокнет на кусте.

Всекитайское веселье:
Иня с Яном, с шuem фен...
Поздно. Солнце в лужу село —
и мычит, как подшофе.

Флейта сиплым *allegretto*,
медный рявк мажорных код —
нескончаемое лето.
Славы ледяной полет.

* * *

Счастье — когда часто-часто
бьется — и рвется на части
сердце — от сопричастности
и взаимоучастия.

Счастье — единственный вечер
близости и вечности,
танцем противоречий
заверчен или расцвечен.

Счастье — время прощаться
с тенью обещаний, —
горечь неслучайности
боли и отчаяния.

Счастье — в великой чести
быть несчастными вместе.

апрель 2010

Школа

Наручники, нары,
фонариков
олигофрения...
Рифма.
Взрык вурдалака в разрывах облаков.
Бесформенный фосфор, фарфор,
бликующих линий бриллианты —
выстрелом, высветом, всветом,
вудавливаю в каталоги —
и был таков!
Я делаю ноги.
Наманикюренные крылья — видимость,
блеф.
Выкройка кровью пунктира по красному крему любви.
Вывих
сердечной шарманки.
Филейное
мурлыканье винного петуха,
вздернутого на аглицкий факел —
фантик,
фанатизм
перегретой Гретхен из Руана.
Нате, шамайте!
Или бухайте.
Кулинарная белена
не самых твердых форм.
Надорванной гортани рваная рана.

А по жизни я трезвый.
Дамский набор: щипчики, ножнички...
Все как положено.
Выход, вход...
Порох, пароход...

Ну, как есть, дурной —
для изобилующих любителей пудами помахать.
Не псих.
И очень даже возможно,
что нет во мне ни капельки поэзии.
Но
из нее —
не выгрызть,
в угоду лохматому хамству,
нахальной харизмы
МОИХ
СТИХОВ.

* * *

Вокруг опять безумие, кружение:
тупость потопа, суета огня...
И парадокс: чем дальше от меня,
тем неизбежнее светопреставленье.

Ваш мир — напрасное хитросплетенье
воль и страстей, глупая трескотня
базарных нот, блеф, лживая броня,
где отторжение губит притяжение.

Пусть не хватило центробежных сил —
я верю в высшее предназначение:
есть долг — неистребим, невоскресим, —
но нет ни преклонения, ни презрения...

Пряма и холодна, одна, ничейна, —
и в этом суть и истина оси.

~ 2001

осень

любовь это
вывороченная из сердца глыба
которой искусный гранильщик
придал подобье алмаза

как ни красива
не заполнит дыру в сердце
каменным граням
не дано полноты сиянья

как ни прочна
не большей отверстой раны
тысячелетия
оппадают серой пылью

и только она
с ее алмазным сердцем
могла вся
оставаться
любовью

2008

* * *

дорогу осилит идущий;
летающий — не придет;
быть может, дождется ждущий;
никогда — кто не ждет;
кто не давал обета —
не ведает греха;
признанные поэты —
потеряны для стиха.

добрые супостаты,
ученые дураки,
нормальные психопаты,
блаженные от тоски,
темные — ждут света,
блистательные — свет...
в поэзии нет поэта.
я там, где меня нет.

1983 ...

* * *

Я не спешу. Мне дела нет
до памяти и ожиданий,
до грандиозных начинаний
и мелких будничных сует;
мгновение, миллиарды лет —
ни безразличней, ни желанней:
ком грязи, свет алмазных граней, —
какая разница! — ответ
на все один, судьба одна
у беспокойства и покоя:
есть время, а не времена,
блаженство не бывать собою,
зов тишины, прохлада зноя, —
необещание, невина.

1993

* * *

Розовые бантики
в золоте волос...
На губах коралловых
розовый вопрос.

Золотые пальчики
с розами ногтей...
Под ресницы прячется
розовая тень.

Бежевая сумочка,
мокасины в тон, —
осенью задумчивой,
тлеющим листом...

Кто она, и где она?
Та — или не та?
Дымка, наваждение,
сонная мечта...

Ладно, если розою,
солнцем, — а затем?
За весной мимозовой —
слезы хризантем.

Нет. Не надо. Лишнее.
Мимо, между строк...
Пусть улыбкой слышится
нежный ветерок.

Счастье безобидное —
это ничего!
Только бы не выдумать,
и не ждать его.

1984

* * *

небо всего лишь видимость голубизны
облаков бродячих светил и созвездий
ничего этого на самом деле нет
а некоторым и не хочется чтобы было

ночь заманчивая иллюзия темноты
когда вместо судьбы сплошной планетарий
и даже в пасмурную погоду
воображение никак не уснет

в отличие от неба любовь почти незаметна
и поэтому поистине замечательна
совсем непохожая на ночь ненависть
фантастически подлинное наваждение

в ночном небе умирает небесная ночь
из любви и ненависти рождается покой

~ 1987?

sans

Si ne suis-je pourtant le pire de troupeau.

Joachim du Bellay

Нет смысла искать среди великих имен
хоть отзвук моего — не имени, но крика,
безмолвия, взрыва, — вдохновенно и дико,
не я в мире — это он во мне рожден.

Пусть теперь блуждает, как сбежавший сон —
сгустком тел и знамений, вшивости и шика...
Слова, слова... Толпа — безлико многолика.
Мне-то что? Жалкий прах не стоит похорон.

Погаснут свечи — и не станет света.
Ладно, не буду корчить из себя поэта.
Так, между эпох, оставить пару строк...

Никто не отзовется? — и не надо.
Да, жил напрасно. Зато не худшим из стада:
не один из — а несравненно одинок!

~ 2010?

ПЛАТОНИЗМ

Почему я не родился в Ницце?
Или, на худой конец, в Париже?
Вроде, по фиг — но, как говорится,
кое-что, оно к чему-то ближе.

Вот, представьте: выхожу из дома —
не опять на темень тараканью,
нет! — привет с Конкорда, или Вандома,
и волна на пляж шипит шампанью!

И бреду, солейем озаренный,
розы бутон в петлице, вдоль Луары —
хрен ли! — на просторах гексагона
пальцы сами лезут на гитары!

Пьяный, как поэт после получки,
весь в оргазме от удачной строчки,
то ли я целую дамам ручки —
то ли меня целуют ангелочки...

Ладно. Чьим-то рылом или рожей
лучше не светить со скал Бретани;
кто-то должен — и, наверно, может —
без фонтанно-розовых мечтаний.

На Монмартре, в горах Акатуя —
разницы большой, конечно, нет.
Черт с ней, с Ниццею! — но почему я
вообще не родился на свет?

~ 2006

dizain raté

Считать до десяти — наука не хитра.
Влюбиться в дым, взаимно, и любить в рассрочку...
А что? Пусть звезд не густо — но приятно ведь
наедине про пуси-муси, бэби-мэмми, —
в надежде что-нибудь вдогонку напоэмить
и лишний раз свои два пальца поиметь.
Как бы то ни было, теперь и мне пора.
Досмаковать мечту — неспешно, по глоточку;
чужие завтраки и наши вечера
зарифмовать изящным росчерком пера...

Но главное — не забыть в конце поставить точку.

1994

Фантом

Ne me reproche plus que je t'ai trop aimé.

Поезда ходят по расписанию.
Взять билет, выйти на перрон —
и смотреть, как рождается движение,
набирает скорость,
исчезает вдали.
У платформы
остается пустота,
которую нечем заполнить.

Звезды не падают.
Звездами ночь приколочена к небу.
Все что ниже — просто атмосферные явления,
метеоры.
Но однажды все перечеркивает
бесшумный зеленый след —
и его уже не стереть.

После спектакля в зале
ничего кроме мусора.
За хирургической занавесочкой
сцена восстанавливает девственность.
Как будто кажется,
будто что-то произошло —
и была музыка, был танец...
Реверберация, фосфены.

Дары судьбы, плоды труда.
Покинутость театра,
пустые рельсы, незабвенный след...
Везде и навсегда.
И все же непонятно:
ради чего любовь, которой больше нет?

* * *

Остается минута — и больше не будет минут.
Задержаться на миг в двух шагах от последней вершины.
Подвести бы итоги — но как разбудить тишину
и поведать хотя бы о том, что еще не свершилось?

Вместо шумной признательности — долгих снов маята.
Неуверенно, робко — и все же не пепел, а искра:
чтобы чье-то дыхание, доверчивым эхом, так близко, —
а на сказочной карте — очертания будущих тайн.

Значит, надо прислушиваться, отзываться влюбленно,
улетать в бесконечную радость сомнений и мук —
где под ветром качаются струи, колышутся кроны,
где приходят слова — и весна, — и уходится вдруг.

Не забытья, не сбыться — а вместе по ливням бродить.
Не прощать, не прощаться — а падать в ветвистые тени.
Ведь пока остается хотя бы мгновенность мгновений —
есть мечта и свобода. А значит — вся жизнь впереди.

2011 ?

* * *

Они все время говорят
о себе.
Некогда слушать.
Выговориться —
и замолчать навек.

Я где-то среди них —
но меня не слышно.
Они говорят о себе.
Я говорю про себя.

И когда я замолчу —
тогда меня услышат.
Или не меня.

2008

* * *

Боги — ротозеи,
боги — дураки:
боги не умеют
обжигать горшки!
Боги дурью маются,
небо зря копят...
Жить не собираются —
сдохнуть не хотят.
Эй, вы, меднорожие!
Чтобы я так жил —
и во славу божию
что-то сотворил?
Дудки! Не додавите!
Трите в порошок —
хрен кого заставите
наложить в горшок.
С музами-харитами,
люди на рифмы лих:
простенькие, хитрые —
или никаких.
Много их, цыганистых,
всякий на свой лад:
тоже обжигаются —
но так творят!
Стало быть, до встречи!
Смерти вопреки —
хрупкие, но вечные,
наши черепки.

~1987

* * *

Когда-нибудь закончится и это.
Пройти по бесконечному мосту
из прошлoзимья в будущее лето,
где тишина — и радуги в цвету.

Свершиться. Сбросить плоть — отмыть от пота,
на мшистый сумрак перышком присесть,
и знать, что здесь не просто нет чего-то,
а что-то очень правильное — есть!

Как будто ждут, простят, примут таким как
сумел придумать, полюбить, — и вот
опять скользят по струнным паутинкам
рифмованные искры влажных нот —

чтобы не обидеть, не рычать от боли,
не разбивать в пыль солнышки труда...
А просто — плыть, как облако над полем:
как бы во сне — и как бы навсегда.

... ~ 2011

* * *

Как появляются стихи?
Из шепотка, из чепухи,
Из метеорной шелухи,
Из перепутанных стихий:
Случайный звук, невинный взор,
Обрывочные сны,
Встреча, дорожный разговор,
Мгновение тишины...
Как настроение, легки,
Из вздоха, из одной строки —
Комочки строф...
Судьба к судьбе, душа к душе,
Сплетаются — и вот уже,
Пугливым облачком, сюжет —
Почти готов.
Ни поспешить,
Ни задержать...
Надо решить —
Они решат,
Взметнуться в день
Или подождать.
Они везде,
Они всегда —
Стихи летят, как первый снег,
Безумством повторяя век,
Они просты, как человек,
Они сложны, как человек.
Подобно горному ручью
Играют и поют;
По каждой розе узнают
Возлюбленность свою.
Не помнят зла, не знают бед...
Пока хоть в малой капле свет
Горит живой —

Что дней и поколений счет? —
Достаточно смотреть вперед, —
А настоящее придет
Само собой.
Пусть где-нибудь,
Пусть иногда,
Рифмует путь
За далью даль, —
Смерти назло
Жить все равно
Для новых слов,
Для новых нот!

Как появляются стихи?
Из шепотка, из чепухи,
Из метеорной шелухи,
Из перепутанных стихий...

~ 1984 ...

СОДЕРЖАНИЕ

Я потерял друзей.....	3
Без ботинок, без пальто.....	4
Кукольные длинные ресницы.....	5
Когда-нибудь свершится.....	7
Я Вас не встретил.....	8
где вольный дух безволен.....	9
Девушка без имени.....	10
Любовь 2.0.....	11
Мне снился сон.....	12
Кто-то умер.....	15
Задолго до любви.....	16
Марте.....	17
О женские цветы.....	18
В голове помои.....	19
Уже не верится.....	21
Нет такой профессии — поэт.....	23
уши и лбы.....	25
Когда бы я уважал.....	26
Я просто играл словами.....	27
Каденция.....	28
Бросаю в вечность семена.....	30
Если есть на небе звезды.....	32
Бежать за ручьем.....	33
Кто-то пишет.....	34
Исчислить эллипсы планет.....	35
Я люблю без границ.....	36
Мир убивает.....	37
Petite fleur.....	38
Годы странствий.....	39
бывают слова.....	40
Газель.....	41
Когда бы я мог.....	42
Шутить изволите?.....	43
Вот и опять не встречен.....	44
Этот снег.....	45

Огненный вечер...	46
Ничто не ценится...	47
Я не верю...	48
гордые плечи...	49
Янус...	50
vivo, malvivo...	52
Пора...	53
Я лишь один из них...	54
Последний сонет...	55
Приготовьте мне яду...	56
Ну, что вам еще...	57
Всякой бочке...	58
Напрасно ждать...	59
Тело станет прахом...	60
Юнец наивный...	61
Число тринадцать...	62
Когда бы я из пустоты возник...	63
День за днем...	64
Я был...	65
Мир без любви...	66
Как всегда...	67
Когда-нибудь...	69
Воспитывайте в строгости поэтов...	70
Я знал печали...	71
Слой за слоем...	72
Изюминки всеобщего труда...	73
Вечер...	74
Навеян не тобой...	75
Тапер...	76
Горд и упрям...	77
В небе роз аромат...	78
В ее душе нет глубины...	79
Вздор все это...	80
Я для народа...	81
За речкой лес...	82
Приятно снисходительно прощать...	84
наука любви...	85

Поэты миру не нужны...	86
Днем работа...	87
Красивым быть некрасиво	88
Психея	89
Теория	90
Все готово	91
Fugato	92
Кретосонет	93
Бесконечности невозможны	94
Звезда	95
Счастье — когда	96
Школа	97
Вокруг опять	99
осень	100
где меня нет	101
Я не спешу	102
Розовые бантики	103
небо всего лишь	104
sans	105
платонизм	106
dizain raté	107
Фантом	108
Остается минута	109
Они все время говорят	110
Боги — ротозеи	111
Когда-нибудь закончится и это	112
Как появляются стихи	113